

18 июня 1972 года

«3. «Советская Татария»

Дыхание веков

У нас на гастролях

АЗАХСКИЙ академический драматический театр имени М. Ауэзова на всем протяжении своего существования постоянно обращался к национальному эпосу, к народному прошлому. Этот жанр оказал огромное влияние на формирование и развитие казахского театрального искусства. «Едилки и Кибек», «Каракол», «Козы Корпеш и Батыр Сылу», «Ахал сере и Актоқты», «Абай» — такое небольшое перечисление постановок театра, ставших классикой национальной казахской драматургии. Особое место занимает в ней драма лауреата Ленинской премии Мухтара Ауэзова «Каракалпак Кобланды». И вот новый вариант этого произведения в интерпретации режиссера — народного артиста Казахской ССР А. Мамбетова. С этой постановкой и начал свои гастроли в Казани театр.

Эпиграфом к спектаклю взяты слова М. Ауэзова: «Эпос, бессмертный и мудрый рассказчик о прошлом, доносит до нас дыхание веков, и человек оживает перед нами со всеми своими мыслями и чувствами, со всей своей неистребимой мечтой о счастье в вольной борьбе за него». Вся худо-

жественная ткань, образный строй постановки подчинены смыслу этих слов.

Исключительно удачно оформление сцены (художник Е. Манке). Серые тона, тревожно переходящие в черные или красные — такова цветовая партитура спектакля. Мрачный замок с его подземельями и тайными покоем, каменные изваяния и барельефы, на заднем плане сцены, в котором дана формула безжесточенных, страдающих, с искаженными лицами людей, — все это создает грозную атмосферу давно прошедших эпох, череносит зрителя в мир эпоса.

Сценический язык постановки — это использование средств изобразительного искусства — принципа барельефа. Где-то это создает известную статичность, декоративность, но она оправдывается самой структурой жанра эпоса. Финал «Кобланды» — открытое тяготение к скульптуре, что продиктовано всем художественным настроением спектакля. Лейтмотивом его является высокая поэтическая тема — тема мужества, патриотизма, героизма и неподкупной совести. Она выражена очень действительно,

образно, эмоционально. Правда, нет в спектакле житейской конкретности. При всей своей монументальной выразительности, вдохновенности и яркой красочности в некоторых конкретных бытовых сценах обнаруживается безразличие и внутренняя жизнь героев. Полностью житейским можно назвать, пожалуй, лишь образ камабасского хана Кобыты, созданный старейшим актером казахской сцены С. Кожанкуловым. Дряхлый старик внешне ничем не похож на жестокого могучего хана, который и провалил битву, стремится завоевать мир и богатство. Сбивчивый, жесткий характер здесь упрятан под личину тупого добродушия.

Душой спектакля является Кобланды в воплощении народного артиста Казахской ССР Ы. Ногайбаева. Богатырской красотой, мощью и эпической широтой всецело от игры актера. Это — образ героический и волевой. Мужественное благородство Кобланды вырастает к концу спектакля до пределов высокой патетики. Его злитая разоренной землей и звучит как решительный протест против насилия, жестоко-

сти и войны. Романтическая принадлежность игры исходит у актера от эмоционального обобщения тем образа в от жанрового характера героя. Морально-этическая проблема в спектакле решается в непосредственной связи с исполнительской формой в содержательном этой главной роли.

Манера игры Ы. Ногайбаева присуща цельность, артистичность, темперамент.

Очень привлекательным было и знакомство с игрой заслуженной артистки КССР Ф. Шариповой, которая в роли Кармыты, дочери Кобыты, показала максимализм и сосредоточенность чувств. В ее игре много затановленного напряжения и драматической борьбы. Известная и широкая раскрепощенная в мировой драматургии еще со времен классицизма трагедийная волна — борьба между чувством долга и любовью — в игре актрисы застыла новыми гранями. Можно, конечно, спорить о психологической интерпретации режиссером этой линии, но актриса сделала ей тем — гибель сильной и яркой натуре в мире, где нет места таким чувствам, как

долг, дружба, бескорыстие, — доказывает строго, сурово и с адухетворным лаконизмом. Порыв и свобода, в счастье, в познании своей человеческой сущности — таков основной стержень трагедии этой роли. Кармыта — Шарипова подчеркивает общечеловеческий смысл своих переживаний. И смерть ее утверждает жизнь, возвышенную и прекрасную.

Интересно решены образы Кармыты (народная артистка КССР Ш. Жандарбекова), Кармытач (артистка М. Байзакова), Шуана (артистка А. Ашимова), Бирсиняла (артистка Р. Сайметова). В игре Ш. Жандарбековой привлекает и поражает высокая техничность исполнения. Созданный ею образ отличается своей трезвотностью, жесткостью, причем сохраняется четкость и завершенность сценической формы исполнения.

С огромной силой звучат волею в финал спектакля. В этих заключительных психологических, экспозиционных, архаичных реальностях.

Эпиграф. В темноте, в тревожном ритме музыки (астаты, му-

зыка, написанная заслуженным деятелем искусства КССР Г. Жубаевой), очень выразительна и яркая самостоятельную роль в художественном оформлении постановки) слышишь скрежетание мечей, в мерцающих красно-оранжевых светящихся фигурах людей в темных одеяниях. Они дерутся в смертельной схватке. Здесь нет четкой обозначенности времени и события. Эпиграф спектакля — это образное сочетание прошлого и настоящего. Оно необходимо режиссеру, театру, чтобы сказать свое конкретное, актуальное гражданское слово.

Финал — это итог всех размышлений спектакля. В его звучности и монументальности — памятник тем, что погиб в освободительной борьбе за мир, за свободу, за чистое и светлое небо над землей. Это злато верности своему народу. Родине.

История народа, образная вымыселы прошлого, реальность, заключенная в драме Ауэзова, получила воплощение живую жизнь в эпическом сценическом походе, дала театру хороший материал для сценического разговора об актуальнейшей мысли человека.

Д. ГИМРАНОВА

На сцене: сцена из спектакля.

Фото А. Шакирзянова.